

МРНТИ 03.00.09

Беделова Г.С.,¹ Кошербаев Ж.Д.²

¹кандидат исторических наук, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: gulzhanbedelova@gmail.com

²кандидат исторических наук, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: kosherbaev.zhan@gmail.com

РУССКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация

Монгольская империя была полиэтническим и многоконфессиональным государством. Религиозная терпимость монголов редкое явление для средневекового общества и этим она уникальна. Поэтому данный вопрос сегодня занимает умы многих специалистов: историков, востоковедов, политологов и др. Но интерес к данной проблеме не возник только сейчас, она была рассмотрена и прежде дореволюционными российскими учеными. Ими сделаны первые шаги анализа, оценки религиозной политики монголов, истолкование и использование источников. Интересен концептуальный подход этих исследователей к данной проблеме. Обобщая и осмысливая опыт накопленный этими великолепными учеными, мы не только можем узнать степень разработанности, но и выяснить слабоизученные стороны этой проблемы.

В статье историография автором условно разделена на две группы: обзорные исследования; специальные труды, посвященные изучению источников. Исследователями на основе анализа определены особенности оценки монгольской религиозной политики. Выяснен подход ученых к данной проблеме. Охарактеризован концептуальный подход и проведен сравнительный анализ религиозной политики монголов в современный период. Показано, что умозаключения авторов стали фундаментом для последующих трудов в этом направлении. Сделана попытка показать преемственность научных воззрений и те аспекты данной проблемы, которые предстоит еще раскрыть.

Ключевые слова: религиозная политика, веротерпимость, монгольская империя, историография, конфессии, востоковедение.

Беделова Г.С.,¹ Кошербаев Ж.Д.²

¹тарих ғылымдарының кандидаты, ал-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: gulzhanbedelova@gmail.com

²тарих ғылымдарының кандидаты, ал-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: kosherbaev.zhan@gmail.com

ОРЫС ШЫҒЫСТАНУЫ ЖӘНЕ МОНҒОЛ ИМПЕРИЯСЫНЫҢ ДІНИ САЯСАТЫН ЗЕРТТЕУ

Аңдатпа

Монғол империясы полиэтникалық және көпконфессионалды мемлекет болды. Ортағасырлық қоғам үшін монғолдардың діни шыдамдылығы сирек кездесетін жағдай және сонысымен ол ерекшеленеді. Сондықтан да бұл мәселе әлі күнге дейін көптеген мамандарды қызықтыруда: тарихшыларды, шығыстанушыларды, саясаттанушыларды және т.б. Әлбетте бұл мәселеге деген қызығушылық қазір пайда болған жоқ, ол революцияға дейінгі ресей ғалымдарымен де қарастырылған еді. Олармен сараптаудың алғашқы қадамдары, монғолдардың діни саясатын бағалау, деректерді пайдалану мен оларға түсініктеме беру талпыныстары жасалынды. Аталмыш мәселені қарастыруда олардың концептуалды тәсілдері қызықты. Осы ғалымдардың жинақталған тәжірибелерін жалпылай және зерделей келе, біз тек мәселенің зерттелу деңгейін ғана емес, оның әлсіз зерттелген жақтарын да байқай аламыз.

Зерттеушілер мақалада тарихнаманы шартты түрде екіге бөліп қарастырды: шолу зерттеулер; деректердерді зерттеуге арналған арнайы еңбектер. Сараптама жасау негізінде монғолдардың діни

саясатына баға берудің ерекшеліктері белгіленді. Осы мәселеге революцияға дейінгі ғалымдардың келу тәсілі анықталды. Революцияға дейінгі концептуалды тәсілдерге мінездеме берілді және моңғолдардың қазіргі кезеңдегі діни саясатына салыстырмалы талдау жасалды. Революцияға дейінгі авторлардың ой-тұжырымдары осы бағыттағы кейінгі еңбектерге бағдар, негіз болғандығы көрсетілді. Ғылыми көзқарастардың сабақтастығын және осы мәселенің әлі де ашылу керек аспектілерін көрсетуге талпыныстар жасалды.

Кілт сөздер: діни саясат, діни шыдамдылық, моңғол империясы, тарихнама, конфессии, шығыстану.

Bedelova G.S.,¹ Kosherbaev Zh.D.²

¹ *Candidate of historical sciences, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: gulzhanbedelova@gmail.com*

² *Candidate of historical sciences, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: kosherbaev.zhan@gmail.com*

RUSSIAN ORIENTAL STUDIES AND THE STUDY OF THE RELIGIOUS POLICY OF THE MONGOL EMPIRE

Abstract

The Mongol Empire was a multi-ethnic and multi-religious state. The religious tolerance of the Mongols is a rare phenomenon in medieval society, and this is why it is unique. Therefore, this issue today occupies the minds of many experts: historians, orientalists, political scientists and others. But interest in this problem did not arise just now, it was considered before by pre-revolutionary Russian scientists. They took the first steps of analysis, evaluation of the religious policy of the Mongols, the interpretation and use of sources. An interesting conceptual approach of these researchers to this problem. Summarizing and comprehending the experience gained by these excellent scientists, we can not only find out the degree of development, but also find out the poorly studied aspects of this problem.

In the article, historiography by the author is conditionally divided into two groups: survey studies; special works devoted to the study of sources. Based on the analysis, the researchers determined the features of the assessment of the Mongolian religious policy. Clarified the approach of scientists to this problem. The conceptual approach is characterized and a comparative analysis of the religious policy of the Mongols in the modern period is carried out. It is shown that the conclusions of the authors became the foundation for subsequent works in this direction. An attempt is made to show the continuity of scientific views and those aspects of this problem that have yet to be revealed.

Key words: religious politics, tolerance, Mongol Empire, historiography, denomination, oriental studies.

Введение

Монгольская империя была полиэтническим и многоконфессиональным государством. Религиозная терпимость монголов редкое явление для средневекового общества и этим она уникальна. Поэтому данный вопрос сегодня занимает умы многих специалистов: историков, востоковедов, политологов и др. Но интерес к данной проблеме не возник только сейчас, она была рассмотрена и прежде дореволюционными российскими учеными. Ими сделаны первые шаги анализа, оценки религиозной политики монголов, истолкование и использование источников. Интересен концептуальный подход этих исследователей к данной проблеме. Обобщая и осмысливая опыт накопленный этими великолепными учеными, мы не только можем узнать степень разработанности, но и выяснить слабоизученные стороны этой проблемы.

Методология

В решении исследовательских задач применялся принцип историзма, который позволяет сделать объективный, комплексный анализ дореволюционной историографии. Реализация принципа историзма дает возможность рассмотреть изменения во взглядах дореволюционных авторов, то есть то, когда приращение знаний, открытие новых источников, изменения общественно-политической среды, философских систем побуждало историков менять суждения, корректировать прежние представления.

Все вышесказанное предполагает применение и других методов в их совокупности и взаимосвязи: проблемно-хронологического, системно-структурного, историко-логического, сравнительно-исторического. Данные методы служат ключом в освещении важных аспектов историографии религиозной политики монгольской империи.

Обсуждение и результаты

В данном вопросе дореволюционная историография разнообразна, не представляет собой единого целого. Мы рассмотрели ее условно разделив на две группы: крупные обзорные исследования [11; 13; 14]; специальные труды, посвященные исследованию, переводу источников [15; 16; 19; 22; 23; 24; 27]. Труды дореволюционных авторов стали фундаментом для последующих работ, мнения и гипотезы многих современных авторов тоже подвержены их влиянию. Но, в науке советского периода было мнение о противоположности до и послереволюционной историографии, когда было принято считать, что «дворянско-буржуазные» исследователи не в состоянии понять суть освободительных войн народов против гнобителей и тем более оценить вклад простых людей в эту борьбу. Было и такое мнение, что русская дореволюционная историография, «оказавшаяся не в состоянии преодолеть свойственные буржуазной исторической мысли ограниченности, формализма и методологической слабости, не были в состоянии осилить такую важную задачу» [1, 12]. И это был ограниченный взгляд, не учитывающий высокий вклад предшествующих поколений историков в эту проблему.

Нужно сказать об активизации в последнее время исследований в данном направлении. Это монография К.А. Соловьева [6], труды таких современных историков, как О.В. Лушников, Ф.Ф. Мухаметов, Э.О. Борисова, Р.Ю. Почекаев и др. [7, 330-338; 8; 5; 10, 106-113]. Но, учитывая значимость данной темы, можно сказать, что ныне нет комплексной, обобщающей историографической работы, охватывающей историю религиозной политики монгольских государств, в том числе вопросы религиозной терпимости монгольских правителей.

В дореволюционный период началом научного исследования монгольской проблематики считается рубеж XVIII-XIX вв., то есть время становления русской исторической науки. В дореволюционной историографии можно выделить крупные обзорные исследования М.М. Щербатова, Н.И. Карамзина, С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского. Уже тогда российские историки особо отмечали заметную веротерпимость монгольских завоевателей. Первый российский историограф Н.М.Карамзин, в своей книге передает слова Плано Карпини «Что касается до их Закона, то они веруют в Бога, Творца Вселенной, награждающего людей по их достоинству; но приносят жертвы идолам, сделанным из войлока или шелковой ткани, считая их покровителями скота; обожают солнце, огонь, луну, называя оную великою царицею, и преклоняют колена, обращаясь лицом к Югу; славятся терпимостию и не проповедают Веры своей; однако ж принуждают иногда Христиан следовать обычаям Могольским» [11]. Далее рассказывая об освобождении монголами русского духовенства от уплаты налогов во время переписи Северо-Восточной Руси в 1257 г., такой их поступок он называет «хитростью, достойной замечания» и объясняет причины этого действия: «узнав же власть духовенства над совестью людей, вообще усердных к вере, моголы старались задобрить его, чтобы оно не возбуждало россиян противоборствовать игу татарскому и чтобы хан тем спокойнее мог повелевать нами» [12, 198].

Еще один классик русской исторической науки, С.М.Соловьев на основе подробного анализа и сравнения свидетельств католических монахов Плано Карпини и Вильгельма Рубрука с восточными источниками, говорит о «необыкновенной терпимости... относительно чуждых вероисповеданий» монгольского великого хана. «Терпимость эта была предписана законом: в самом семействе хана были христиане; на собственном иждивении содержал он христианских духовных греческого исповедания, которые открыто отправляли свое богослужение в церкви, помещавшейся перед большою его палаткою»- писал историк. Далее пишет автор: «...перед ханом Мангу совершали службу сперва христианские несторинские духовные, потом муллы магометанские, наконец языческие жрецы» [13]. Ученый указал на законодательный характер религиозной снисходительности завоевателей – «устав» Чингисхана, то есть «Ясу». «По уставу Чингисхана и Октая (Угедя), подтвержденному впоследствии, - пишет С.М.Соловьев, - служители всех религий были освобождены от платежа дани» [13].

Авторы данных трудов не считали нужным изучать мелкие, как они считали обстоятельства. В трудах историка В.О. Ключевского оценки монгольского периода не так уж расходились с его предшественниками [14].

В дореволюционной историографии существуют так же специальные труды, которые направлены на изучение источников, а также истории Золотой Орды и возникших на её основе государств [15, 421-450]. Данный период не выделяется особенным многообразием исторических подходов к исследованию Орды. Тем не менее, к концу XIX – началу XX вв., вследствие внедрения в общенаучное обращение значительного количества источников и формированию методов исторического исследования, сложилось представление того, что история монгольских завоеваний, Золотой Орды, тюркского мира, их внешняя политика намного обширнее, чем до этого полагалось.

Отмеченная нами проблема нашла свое значительное место в трудах блестящего российского востоковеда, первого руководителя кафедры истории Востока в Петербургском университете В.В. Григорьева. Ученый обосновал глубокое значение для изучения истории взаимоотношений Золотой Орды и Руси такового оригинального источника, как ярлыки золотоордынских ханов русскому духовенству. Анализируя содержание ярлыков Григорьев пишет, что дают они русскому духовенству права и преимущества, освобождают от пошлин, даней и повинностей, митрополитам обеспечивается право суда и расправы над всем духовенством и подведомственными людьми, право распоряжаться церковным и монастырским имуществом. Говоря о политике правителей Золотой Орды по отношению к поработанным ими народам и их религиям, он акцентировал внимание на полной веротерпимости завоевателей. А за все вышесказанные преимущества даруемые духовенству, ханы лишь просят возносить молитву за себя и благосостояние собственного семейства и племени, констатирует исследователь [16, 27].

Ища причины веротерпимости монголов В.В. Григорьев спрашивает себя о том, как правители Золотой Орды исповедуя ислам, покровительствовали христианству, к тому же подчеркивал он, все это делалось не только без выгоды, но и в ущерб ханской казне. Сравнивает ученый их отношение к вере с притеснениями христиан вообще в Азии со стороны мусульманства, приводит в пример русские летописи, где сказано о мученической смерти русских князей от рук тех же ханов, за твердость в своей вере. Подвергает сомнению содержание ярлыков. Рассуждая о целях такой политики, он сомневается в сочинении ярлыков во время монгольского владычества, говоря, что они могли появиться в более позднее время, с целью подвигнуть своих же царей на ту же высокую благосклонность, которая оказывалась со стороны ханов. Но включая свой трезвый и объективный взгляд, ученый-ориенталист себе же отвечает «нет», доказывая это тем, что за много лет своего существования, в целом духовенство России показало свою честность [16, 30-31].

В России ярлыками пользовались и потом, после упадка монгольского владычества. Об этом также говорит В.В. Григорьев, подтверждая свои слова другими источниками. Карамзин и другие исследователи в своих трудах пытались растолковать такую религиозную политику монгольских ханов, но как указывает Григорьев «вместо того, чтобы отыскивать его причины, их придумывали, вместо того, чтобы проникнуть основательно в сущность дело, ограничивались предположениями без доказательств, и противоречили сами себе» [16, 31-32].

Ученый предполагает, что причины покровительства, веротерпимости монголов политическая, то есть учитывая влияние духовенства, церкви на народ они предпочитали с ними дружить, превратив их в своих заступников. Но далее сомневаясь в умственных способностях золотоордынских ханов, Григорьев отгоняет эту мысль и приходит к мнению, что такая умная, но в тоже время простая политика не могла прийти им в голову. По мнению Григорьева, из истории правления монголами Русью видно, что они не были хитрыми, дальновидными, потому как допускали элементарные ошибки: позволили усилиться московским князьям, способствовали соединению Руси, когда она была раздроблена. Он считает, настоящая причина в другом: «отсутствие в них религии, а вследствие того и всякой религиозной ревности, величайшая веротерпимость, и вместе с тем беспредельное суеверие» [16, 32-33].

Ученый отмечает, что национальной религии у монголов не было, а поклонялись они «Высочайшему Существо, (которое, равно как и небо, они означали словом Тангри)» - и дальше продолжает Григорьев – «...у них был тот род религии, который некогда существовал у всех средне и северо-восточных Азийских народов, и ныне называется шаманством, которого держатся еще и теперь все дикари северной Азии...» [16, 34]. Тут нужно сказать, что автор этих строк недооценил «Черную религию» монголов, которая служила политико-религиозной идеологией для них. Это отмечают и современные исследователи: «Небо (Тенгри) – «безначальное, несотворенное, создатель всего сущего, владыка мира; оно определяет судьбы человека, санкционирует государственную власть» [17, 171]. О том, что важнейшей составляющей жизни

монголов, их понимания окружающего мира являлось безусловная вера в сакральность, присущая этому миру, то есть, пропитанность его неким божественным духом, говорит и Т.Д. Скрынникова [18].

Историк-ориенталист Григорьев обращает внимание и на личность Чингисхана, называет его «чем-то вроде пророка» для соплеменников. В оценке ученого его приказы и слова были самыми святыми, почти религиозными догматами. Недооценивая ситуацию с шаманизмом или тенгрианством, ученый тем не менее указывает, - все предписания Чингисхана, основанные большей частью на древних обычаях и суевериях монголов, собраны были в одну книгу (имеется ввиду Яса). Так же он отмечает, в соответствии с этими законами, все преемники Чингисхана покровительствовали ровно всем религиям. Приводя свидетельства путешественников и западных и восточных, Григорьев пишет о диспутах, которые устраивали монгольские ханы, как они придерживаясь одной религии, покровительствовали другой. Тщательно анализируя всю эту ситуацию Григорьев заключает, что принятие религии было для них мерой политической, а не делом убеждения [16, 41]. На основе сравнительно-сопоставительного анализа различных источников историк выявляет следующие моменты: Религия служила для них только средством для выполнения замыслов честолюбия. Законы Чингисхана (касательно веры тоже) пользовались слишком большим уважением, чтобы нарушать их [16, 46]. Таким образом, ученый приходит к мнению, что причина веротерпимости монгольских правителей политическая, но не в том плане, что они дальновидные политики, а в том что они имели законодательное основание (Ясу) для веротерпимости. Законодательное основание веротерпимости монгольских завоевателей подчеркивает, как мы уже отметили и С.М.Соловьев, но Григорьев делает это более глубже.

Историк утверждает, что ханы Золотой Орды не были яркими приверженцами ислама, ярлыки данные русскому духовенству не были чем то необыкновенным, исключительным, а было это проявлением общего закона толерантности в вере, покровительством всех вероисповеданий. В этой своей точке зрения он отмечает, что это предписание Чингисхана соблюдалось его потомками везде [16, 53].

В связи с этим, согласно Григорьеву можно заключить, что ключевым для понимания данных процессов, является правитель монголов, в конкретном случае Чингисхан (правда прямо на это Григорьев не указывает), а все остальные его преемники просто исполнители его воли, слова, закона. И главной движущей силой разных процессов, в том числе и дальновидной, хитрой религиозной политики, является тоже он. Похожего мнения придерживается и современный историк Т.Д. Скрынникова, говоря о харизме Чингисхана [18].

Ученый в своей книге раскрывает еще одну сторону проблемы, то есть гибель русских князей за веру, при высокой веротерпимости монголов. Объясняет он это так: «... смертная казнь назначалась там наказанием за хулу всякой религии, а не одной христианской, следственно и за хулу магометанской. За что на примере замучен в Орде Роман Ольгович Рязанский? За то, что хулил закон Магометов, говорят летописи; по понятиям же Монголов, наказывать за хулу одной вере было совсем не то, что за приверженность к другой. Тут есть большая разница [16, 55-56]. Таким образом, историк заключает, что убивали князей в Орде не за приверженность христианству, не из за мусульманского фанатизма, а за то что ослушались закона (не принижать и ругать другие религии), казнили их за политические преступления, как изменников и бунтовщиков. Но при этом так же отмечает, что жертвы князей были благородными, были вызваны от большой любви к родине. Насчет грабежей монголами церквей и монастырей пишет: «Это имело место в военное время, во владениях ослушных князей, а когда надлежало наказывать ослушных, то, по Чингисовым же законам, Монголы ничего не должны были щадить» [16, 57].

В доказательстве достоверности ярлыков, актов, как источников заслуга В.В. Григорьева огромна. Он одним из первых показал важность изучения этих источников для исследования разных сторон монгольского средневековья, включая религиозную политику монголов. Потому как такие исследования посвящены конкретным проблемам, то их исторические воззрения оказывались основательнее и подразумевали всесторонний, глубокий анализ большого количества мелочей, которые прежде никак не притягивали интерес исследователей. Эти труды дают понять причины определенных действий монгольских правителей.

Вместе с работами В.В. Григорьева, особо выделяющимися являются специальные труды И.Н. Березина, которые относятся к устройству Улуса Джучи [19]. Исследовав и опубликовав ряд ярлыков золотоордынских ханов, отмечая их «как прекрасные источники для Истории Золотой Орды», Березин продемонстрировал прекрасное знание данной темы, проанализировал внутреннюю структуру государства и сделал акцент на кочевом характере Золотой Орды. Касательно религии в

примечаниях он пишет: «*Гказы муфти-ларигга мьшаиххъ суфи-ларигга*». Это духовные мусульманские звания упоминаются в первый раз в ярлыке Узбека, где они переведены (и книжником, уставодержателем и учительным людским), по-видимому, с некоторыми изменениями. Не смотря на то, что мусульманские Ханы Золотой Орды старались поддерживать веротерпимость, сообразно древнему вероучению Монголов, мусульманское духовенство, по-видимому, пользовалось в Орде некоторыми особенными правами, потому что духовные Ислама являются, и притом на почетном месте, между должностями и званиями Золотой Орды. Так как в Орде было свое управление то перевод титула «Кази», означающего духовного судью, словом «книжник» В Узбековом ярлыке должен быть правилен, и звание Кази в Золотой Орде давало право лишь на решение духовных дел, так как Муфти должен был заботиться лишь о духовном наставлении своей паствы: вмешательство в общественные и политические события не видно и не допускалось» [20, 27].

Исследуя историю Золотой орды Березин подходил к этому вопросу в соответствии с идеалистическими принципами методологии того времени. Историк рассмотрел первоначально строение государственного механизма, систему рангов. Научная прозорливость ученого, позволило ему сделать несколько ценных обобщений, которые имели высокое научное внимание. Так, описывая общую таблицу Ордынских чинов и податей, на основе перевода тарханских ярлыков, данных Ханами Духовенству, Березин писал: «Обычай давать за услуги разные привилегии существовал во всех Чингизидских владениях и о тарханах говорят все Европейские путешественники, посещавшие монгольских императоров, именуя их баронами. На освобождение от податей и налогов давались особенные ярлыки, формою вообще сходные: сначала идет исчисление чинов, к которым Хан обращается с своею заповедью, а потом исчисляются тарханские привилегии. Русское Духовенство постоянно получало от Ордынских Ханов тарханские ярлыки, коих подлинники утрачены, а сохранились лишь переводы». Далее говоря о последствиях монгольского влияния историк пишет: «Обычай тарханских льгот перешел и в Россию: как на образец Русской тарханной грамоты можно указать на ружную грамоту Василия Иоанновича священно-и церковно-служителям Волоколамского Воскресенского собора, в которой исчисляются разные Русские подати и налоги... Начало уничтожения тарханских льгот в России сделано около 1549 года; при Федоре Иоанновиче повелено временное уничтожение. Алексей Михайлович отменил тарханство в 1672 г.; окончательно же тарханская льгота уничтожена в России Петром Великим» [19, 5-6].

Историк полагал, что для наиболее углубленного представления золотоордынской истории, выявления сущности, обнаружения особенностей взаимоотношений кочевых и оседлых культур нужно последующее, детальное изучение этой темы. Работа Березина, невзирая на некоторые моменты, связанные с методологией, играют важную роль в развитии данной проблематики. Собранный и изученный ученым огромный фактический материал, свидетельствует о его важном вкладе в науку в дореволюционный период.

Свою не малую лепту в эту проблему внес Н.И. Веселовский исследовавший тему монгольского влияния. Известный ученый работая в Петербургском университете, разработал курс лекций о монгольских завоеваниях. Написал статьи о религии монгол, для этого использовал источники, в частности русские летописи [22, 81-101]. В этих трудах он сопоставляя летописи и восточные источники истолковал монгольский политеизм. Религиозную политику монгольских ханов ученый толковал так: «освобождение русского духовенства, как и всякого другого, от податей и повинностей, исходило у монгольских ханов из страха перед колдовством, которым обладали, по мнению монголов, все церковнослужители, почему и надо было их задобрить. Все церемонии при дворе ханов, обязательные для русских князей, основывались на шаманских верованиях» [22, 99]. Данные работы добротные, достаточно обоснованные практически опирающиеся на первоисточники, но потому как были посвящены узкопрофильным темам, некоторое время не так уж широко были известны.

Огромный вклад в изучении истории Золотой Орды сделан крупнейшим востоковедом, археологом, нумизматом В.Г. Тизенгаузенем. Составленный ученым «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» и сегодня остается наиболее ярким и полным изданием письменных источников [23].

Не желая ограничиваться только арабскими авторами Тизенгаузен подготовил подборку извлечений и из персидских авторов средневекового периода, но эта работа пролежав долгое время в архивах вышла в свет только 1941 году. Труд выдающегося ученого исключителен тем, что ранее такие работы просто не издавались. Понимая необходимость поиска и выявления еще

большого количество источников по истории Золотой Орды, Тизенгаузен не соглашался с мнением В.В. Григорьева о том, что нет надежды на успех в дальнейших поисках новых материалов в этом направлении и только золотоордынская нумизматика может пролить свет на эти исследования [23, XIII]. Сборники В.Г.Тизенгаузена и сегодня являются платформой, на котором строится любое исследование монгольской, золотоордынской истории, как в нашей стране, так и за рубежом. Мотивируя современных исследователей к глубокому изучению данной темы, поиску и включению в научный оборот еще новых источников, двухтомник ученого опять доказывает свою уникальность.

К отмеченному нами периоду относятся фундаментальные труды В.В. Бартольда, который изучил большой массив арабских, персидских источников. Из числа трудов знаменитого ориенталиста, время работы которого относится на до и послереволюционный период, можно выделить целый ряд исследований по нашей теме. Бартольд подходил к рассмотрению истории в контексте глобальных процессов, делал очень глубокие сравнительно-сопоставительные анализы, писал свои труды беспристрастно и добросовестно. В исследованиях ученого затрагивается вопрос о столкновении исламской цивилизации с монгольским фактором. Несколько статей В.В. Бартольда посвящены монгольской империи в средневековье и ее ханам: Сартак, Берке, Бату, вместе с тем значительный акцент он сделал на конфессиональную особенность данных правителей [24]. В послереволюционных своих исследованиях ученый систематический касался вопроса конфессиональной жизни Орды и некоторых других монгольских государств [25].

Значительных достижений в исследовании темы о религии достиг талантливый востоковед, этнограф Д.Банзаров. Его перу принадлежит объемный труд о монгольском шаманизме [26]. Труды Банзарова до сих пор остаются актуальными. Многие его теоретические формулировки получили высокую оценку. На его труды исследователи ссылаются и сейчас. Определенным хронологическим периодом исследование ученого не было разграничено и, тем не менее, вполне допустимо использование его умозаключений, касательно религии монголов XIII-XIV вв. Данные которые ученый использовал в своих трудах многообразны. Входят туда рукописи, этнографические наблюдения, письменные источники и другие.

Банзаров высказал интересные мысли о происхождении шаманства: «Черная вера монголов произошла из того же источника, из которого образовались многие древние религиозные системы; внешний мир – природа, внутренний мир – дух человека, и явления того и другого – вот что было источником черной веры» [26, 52]. По мнению ученого, суть черной веры это поклонение небу, земле, огню, онгонам, душам умерших людей. А функция шамана во всем этом быть «жрецом, врачом, и волхвом или гадалцем» [26].

Этнограф, крупный знаток жизни и быта монгольских народов Галсан Гомбоев, поясняя сведения итальянского францисканца Плато Карпини о некоторых монгольских обычаях и верованиях, в свою очередь сравнил их с обычаями современных бурятов и монголов [27]. Галсан Гомбоев стал известным ученым, в одном из ключевых направлений развития монголоведения – изучение и перевод источников. Источники с которыми работал ученый позволяли ему рассматривать разные аспекты монгольской истории, что было свойственно ориенталистике первой половины XIX в.

Невзирая на немногочисленность трудов и их специфичность можно сказать, что дореволюционным историкам удалось решить ряд сложных задач: сформировался более или менее объективный взгляд на религиозную политику монгольских ханов; в связи с внедрением в научный оборот большого количества разных источников, сформировался критический взгляд на проблему; возникло понимание того, что взаимоотношения монгольских ханов с покорёнными народами не были однозначными; появились методы изучения истории (позитивизм); сложился более спокойный взгляд на деятельность монгольских правителей, в том числе в области религиозной политики. Но, тем не менее по некоторым вопросам данной проблемы до сих пор нет исчерпывающего ответа: истоки и причины отношения монгольских завоевателей к конфессиям покоренных народов, причины веротерпимости, роль Ясы в этом вопросе, как законодательной базы, влияние религии средневековых монголов на государственную политику Монгольской империи в отношении к различным конфессиям и т.д.

Заключение

Таким образом, как мы уже отметили, дореволюционная историография разнообразна, не представляет собой единого целого. Мы рассмотрели ее условно разделив на две группы: обзорные исследования; специальные труды, посвященные исследованию, переводу источников. Проанализировав данные работы, определили особенности оценки монгольской религиозной политики исследователями. Выяснили подход дореволюционных ученых к проблеме. Охарактеризовали дореволюционный концептуальный подход и провели сравнительный анализ религиозной политики монголов в современный период. Умозаключения дореволюционных авторов стали фундаментом для последующих трудов в этом направлении, мнения и гипотезы многих современных авторов тоже подвержены влиянию этих работ. Поэтому, мы попытались показать преемственность научных воззрений и те аспекты данной проблемы, которые предстоит еще раскрыть.

Список использованной литературы:

1. Петрушевский И.П. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. – М.- Л., 1952. – 12 с.
2. Архив Российской академии наук. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 92. Тезисы к диссертации А.Н. Насонова «Монголы и Русь. История татарской политики на Руси».
3. Якубовский А.Ю. Из истории изучения монголов периода X-XIII вв. – Москва, 1953. – 95с.
4. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития Феодальной Руси. – М., 1967. – 266 с.
5. Борисов Н.С. Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру // Проблемы истории СССР. – Москва, 1976. Вып. V. С. 129-130.
6. Соловьев К.А. Дело власти: отечественные историки о властных отношениях в Древней и Средневековой Руси (IX- перв. пол. XV вв.). – Москва, 2001.
7. Лушников О.В. Монгольская империя в историографии XVIII–XX вв. – Казань, 2009. – 116 с.
8. Мухаметов Ф.Ф. Отечественная историография монгольских завоеваний и Золотой Орды (XIII-XIV вв.). – Челябинск, 2006. –180 с.
9. Борисова Э.О. Культ обоо в трудах отечественных исследователей // Современные научные исследования: электронный научный журнал. 2012. №10.
10. Почекаев Р.Ю. Вторая империя Монголов: притязания и действительность. // Монгольская и Российская историография Великой Монгольской империи. – Улан-Батор, 2009. С. 106-113.
11. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.4. Гл. 1. – СПб., 1816. – 498 с.
12. Карамзин Н.М. История государства Российского. – Москва, 1993. –198 с.
13. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т.3. Гл.2. – Москва, 1993. – 768 с.
14. Ключевский В.О. Курс русской истории. – СПб., 1904. – 1146 с.
15. Фишер И. О народе и имени татарском, также о древних Могольцах и их языке // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. – СПб., 1755. С. 421-450.
16. Григорьев В.В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. Историко-филологические исследования. – Москва, 1842. – 132 с.
17. Неклюдов С.Ю. Монгольских народов мифология // Мифы народов мира: энциклопедия. Т. 2. – Москва, 1992.
18. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. – Москва, 1997. – 216 с.
19. Березин И.Н. Внутреннее устройство Золотой Орды: (по ханским ярлыкам) - СПб., 1850 - 24 с.
20. Березин И.Н. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Салдет-Гирея. – Казань, 1851. – 56 с.
21. Веселовский Н.И. О религии татар по русским летописям // Веселовский Н.И. Труды по истории Золотой Орды. – Казань, 2010. – 191 с.
22. Веселовский Н.И. Рецензия на книгу М.Д. Приселкова «Ханские ярлыки русским митрополитам» // Журнал Министерства народного просвещения. – Петроград, 1917. № 3-4.
23. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т.1. XVI. – СПб., 1884. – 564 с.
24. Бартольд В.В. Культура мусульманства. Общий очерк. – Петроград, 1918. – 113 с.
25. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Writings. Т.1. – Москва, 1963. – С. 452-568
26. Банзаров Д. Черная вера или шаманство у монголов // Банзаров Д. Собрание сочинений. – Москва, 1955. – 376 с.

27. Гомбоев Г. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано-Карпини // Труды Восточного отделения Ими. Археологического общества. – Спб., 1859. Ч. 4. Вып.1. С. 236-256.

References:

1. Petrushevsky I. P. *Rashid al-Din. Collection of chronicles. Vol. 1.* - M.-L., 1952. - 12 p.
2. *Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 1547. Op. 1. d. 92. Theses for the dissertation of A. N. Nasonov "Mongols and Rus.*
3. Yakubovsky A. Yu. *From the history of the study of the Mongols of the period of the X-XIII centuries.* - Moscow, 1953. - 95c.
4. Kargalov V. V. *Foreign policy factors of the development of Feudal Russia.* - M., 1967 – - 266 p.
5. Borisov N. S. *Russian historiography on the influence of the Tatar-Mongol invasion on Russian culture // Problems of the History of the USSR.* - Moscow, 1976. Issue V. S. 129-130.
6. Solov'ev K. A. *Delo vlasti: otechestvennye istoriki o vlastnykh otnosheniy v Drevnoy i Srednevooy Rus' (IX - first floor). XV century.* - Moscow, 2001.
7. Lushnikov O. V. *The Mongolian Empire in the historiography of the XVIII-XX centuries.* - Kazan, 2009. - 116 p.
8. Mukhametov F. F. *Russian historiography of the Mongol conquests and the Golden Horde (XIII-XIV centuries).* - Chelyabinsk, 2006. -180 p.
9. Borisova E. O. *The cult of OBO in the works of domestic researchers // Modern scientific research: electronic scientific journal.* 2012. No. 10.
10. Pochekaev R. Yu. *The Second Mongol Empire: Claims and reality. // Mongolian and Russian historiography of the Great Mongolian Empire.* - Ulaanbaatar, 2009. p. 106-113.
11. Karamzin N. M. *History of the Russian state. Vol. 4. Ch. 1.* - St. Petersburg., 1816. - 498 p.
12. Karamzin N. M. *History of the Russian state.* - Moscow, 1993. -198 p.
13. Solov'ev S. M. *History of Russia since ancient times. Vol. 3. Ch. 2.* - Moscow, 1993. - 768 p.
14. Klyuchevsky V. O. *Course of Russian history.* - St. Petersburg, 1904 – - 1146 p.
15. Fischer I. *About the people and the Tatar name, also about the ancient Mughals and their language // Monthly essays for the benefit and entertainment of employees.* - St. Petersburg, 1755. pp. 421-450.
16. Grigoriev V. V. *On the reliability of the labels given by the Khans of the Golden Horde to the Russian clergy. Historical and philological studies.* - Moscow, 1842 – - 132 p.
17. Neklyudov S. Yu. *Mongolian peoples' mythology // Myths of the peoples of the world: encyclopedia. Vol. 2.* - Moscow, 1992.
18. Skrynnikova T. D. *Charisma and power in the era of Genghis Khan.* - Moscow, 1997. - 216 p.
19. Berezin I. N. *The internal structure of the Golden Horde: (according to the Khan's labels) - St. Petersburg, 1850-24 p.*
20. Berezin I. N. *Tarkhanny labels of Tokhtamysh, Timur-Kutluk and Saldet-Giray.* - Kazan, 1851. - 56 p.
21. Veselovsky N. I. *About the religion of the Tatars according to the Russian Chronicles // Veselovsky N. I. Works on the history of the Golden Horde.* - Kazan, 2010 – - 191 p.
22. Veselovsky N. I. *Review of the book by M. D. Priselkov "Khan's labels to Russian Metropolitans" // Journal of the Ministry of National Education.* - Petrograd, 1917. № 3-4.
23. Tiesenhausen V. G. *Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Extracts from Arabic works, vol. 1. XVI.* - St. Petersburg, 1884. - 564 p.
24. Barthold V. V. *Culture of Islam. General outline.* - Petrograd, 1918. - 113 p.
25. Barthold V. V. *Turkestan in the era of the Mongol invasion // Writings. Vol. 1.* - Moscow, 1963. - p. 452-568
26. Banzarov D. *Black Faith or shamanism among the Mongols // Banzarov D. Collected works.* - Moscow, 1955 – - 376 p.

27. *Gomboev G. On the ancient Mongolian customs and superstitions described in Plano-Carpini // Proceedings of the Eastern Department of Imi. The Archaeological Society. - St. Petersburg, 1859. Part 4. Issue 1. pp. 236-256.*